

Исследование *антивоенных*
инициатив в России:
Как россияне противостоят
войне, которую их государство
ведет в Украине, и борются
с ее последствиями

(по данным на конец 2022 года)

Исследование реализовано некоммерческой организацией Austausch e.V. для международной платформы CivilM+ при финансовой поддержке МИДа ФРГ.

Austausch e.V. — зарегистрированная некоммерческая организация, работа которой направлена на содействие европейскому гражданскому обществу с акцентом на обмен и сотрудничество между Германией и Восточной Европой.

CivilMPlus — независимая международная платформа, которая расширяет возможности гражданского общества в преодолении войны России против Украины — восстановлении международных норм и адвокации ответственности за военные преступления и нарушения международных норм, защите прав человека и сильной международной поддержке Украины.

Представленные в этой публикации мнения и суждения необязательно отражают позицию всех членов платформы CivilMPlus и Министерства иностранных дел ФРГ.

Federal Foreign Office

СОДЕРЖАНИЕ

Описание исследования	4
«Антивоенные инициативы» в РФ: что мы изучаем?	4
Участники исследования	7
Безопасность участников	9
Разнообразие инициатив	11
Организационная структура инициатив	11
Размер и масштаб работы инициатив	14
Работа из России и из-за границы	17
Гуманитарные и агитационные инициативы	19
Проектные и спонтанные/реактивные инициативы	22
Инициативы «одного вопроса» и «на все руки»	24
Политизация и антивоенная повестка	26
Ресурсы и взаимодействия инициатив	28
Медийная деятельность антивоенных инициатив	28
Ресурсы антивоенной деятельности инициатив	31
Безопасность активистской деятельности	35
Сотрудничество антивоенных инициатив	38
Будущее России и российско-украинских отношений.	
Стратегии и тактики примирительной работы	42
Выводы и рекомендации	49
Как работать с антивоенными инициативами?	
Основные выводы и рекомендации	49
Участники исследования	54
Команда	54
Информанты	54

ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Антивоенные инициативы» в РФ: что мы изучаем?

Это исследование задумано как попытка зафиксировать разнообразие антивоенных инициатив, созданных в России после начала полномасштабного вторжения в Украину в феврале 2022 года.

Развитие гражданской активности в РФ, нацеленной на то, чтобы остановить кровопролитную войну, проходит в условиях жестких репрессий. Согласно нынешнему законодательству, практически любая антивоенная деятельность или демонстрация несогласия с действиями российской армии в Украине может рассматриваться как «дискредитация Вооруженных сил РФ» (статья 20.3.3 КоАП РФ) и повлечь за собой административную или уголовную ответственность. Множество правозащитных, научных и даже социально ориентированных НКО получили статус «иностранного агента», который делает невозможным финансирование организации и фактически ограничивает ее деятельность. В реестр «иностранных агентов» вносят также физических лиц. «Иностранцами агентами» в России запрещено осуществлять просветительскую и образовательную деятельность в отношении несовершеннолетних и производить для них информационную продукцию, нельзя организовывать публичные мероприятия и перечислять деньги их организаторам. Согласно закону, «иноагенты» обязаны сдавать ежеквартальную отчетность обо всех своих денежных поступлениях и тратах и маркировать специальной «плашкой» каждое выступление в медиа

или социальных сетях. Ошибки в отчетности или маркировке могут привести к административным делам, а при повторных нарушениях — к уголовному делу. Кроме того, более 70 иностранных и международных организаций признаны «нежелательными» на территории России, сотрудничество с ними грозит уголовным преследованием.

Однако, несмотря на репрессивное законодательство и правоприменение, военная агрессия России против Украины вызвала всплеск гражданской активности россиян в 2022 году: было создано множество низовых инициатив, а существующие некоммерческие организации перепрофилировались или дополнили свою деятельность антивоенной повесткой. Часть гражданских инициатив релоцировалась за пределы РФ, часть осталась в стране и либо действует нелегально, либо вынужденно реформатирует свою деятельность в соответствии с новыми политическими и правовыми реалиями.

В этом тексте мы называем «антивоенными» не только инициативы, направленные на непосредственное прекращение войны и установление мира. Мы говорим об «антивоенном» как о широком понятии, соединяющем разные формы гражданских инициатив, которые работают с гуманитарными или политическими последствиями военного вторжения России в Украину. При этом отдельные участники некоторых инициатив (например, работающих с гражданами Украины, вынужденно оказавшимися на территории России) могут не проявлять четкой антивоенной позиции или даже неявно поддерживать российское государство. Однако мы рассматриваем не установки отдельных участников, а общее направление работы инициатив, которые возникли или изменились в ответ на начало военной агрессии. Публичный образ таких антивоенных инициатив может не соответствовать западным или украинским представлениям об антивоенной позиции, однако следует учитывать, что целевая аудитория этих инициатив — российская, а поэтому создатели таких инициатив в своей риторике ориентируются на них и на политические изменения именно внутри России.

Инициативы, работу которых мы изучили, имеют разные цели и по-разному выстраивают рабочие процессы, стремясь остановить военные действия, начатые Россией, и защитить других от последствий этих действий. Антивоенные инициативы агитируют россиян бороться за прекращение войны и расширять число своих сторонников, создают материалы и инструкции для безопасного протеста и выражения своей позиции. Они ведут диверсионную работу, атакуя военные и транспортные объекты, и не только выводят из строя или повреждают инфраструктуру, непосредственно обеспе-

чивающую военные действия, но и стремятся нейтрализовать пропаганду, которую разворачивает государство. Проекты помощи украинским беженцам и депортированным оказывают финансовую поддержку людям, оказавшимся на российской территории, а также собирают всевозможные требующиеся им ресурсы. Одно из ключевых направлений их работы — помощь в выезде из России в страны Европы, в том числе подготовка документов для пересечения границы. Правозащитные инициативы предоставляют юридическую помощь россиянам, подвергающимся политическим репрессиям за проявление антивоенной позиции. Они помогают избежать призыва в армию, а также защищают представителей меньшинств, против которых Россия ужесточает законодательство на волне военной агрессии. Медиа — как давно работающие, так и новые, возникшие после февраля 2022 года — создают аналитические материалы, противостоят цензуре, разоблачают фейки, делают видимыми репрессии и последствия военных действий, рассказывают о способах проявлять антивоенную позицию. Инициативы, направленные на борьбу с российской пропагандой, расширяют число сторонников остановки войны через персональные сообщения, звонки и комментарии в социальных сетях. Одни инициативы собирают вокруг себя профессиональных психотерапевтов, которые консультируют обратившихся за помощью людей вне зависимости от их местоположения и политической позиции, другие — объединяют художественные коллективы и создают площадки для антивоенных высказываний на языке искусства. Многие инициативы совмещают разные направления работы и оказывают комплексную поддержку украинским беженцам и депортированным, а также разным группам россиян — профессиональным, этническим, территориальным, — не оставляя в стороне агитационную работу, направленную на расширение числа сторонников прекращения военных действий.

Мы ставили задачу описать инициативы разного масштаба и направленности с тем, чтобы понять, чем они занимаются, как они устроены, с какими проблемами сталкиваются и в какой поддержке нуждаются. В этом тексте мы предлагаем ответы на следующие вопросы:

- Как организованы антивоенные инициативы? Кто их создает, как и для кого они работают, кого вовлекают, какие ресурсы задействуют?
- Какие барьеры возникают в работе таких инициатив?
- Как взаимодействуют инициативы между собой? Проявляют ли они солидарность друг с другом?
- Какие возможности для развития инициатив видят их создатели/участники?

— Как создатели/участники инициатив видят будущее в отношениях России и Украины и какую роль отводят своим инициативам в построении этих отношений?

Участники исследования

Сбор данных проходил с 1 ноября по 25 декабря 2022 года. Команда исследователей проекта провела в общей сложности 28 интервью с создателями/участниками антивоенных инициатив, направленных на работу в России. Таким образом в поле нашего внимания оказалось 28 антивоенных инициатив. Общая продолжительность интервью составила чуть более 30 часов.

Отбор инициатив для проведения интервью происходил в соответствии с нашими оценками и пониманием тематики работы инициатив, их масштаба и целевой аудитории, сделанными на основе информации об этих инициативах в открытых источниках и из интервью с активистами и активистками. Мы старались охватить как крупные медийные проекты, так и небольшие локальные инициативы, как успешные случаи устойчивой работы, так и только зарождающиеся проекты, а также тех, кто уже прекратил свою работу по разным причинам. Большинство инициатив существуют неформально, лишь 5 официально зарегистрированы. Среди рассмотренных

инициатив, ведущих антивоенную деятельность, 8 были созданы до полномасштабного вторжения России в Украину в феврале 2022 года. После начала военных действий они изменили повестку своей работы, направив ее в русло антивоенного движения.

«Я бы сказал, все кардинально изменилось» (1),

— так участник политического движения характеризует свою деятельность после 24 февраля 2022 года, когда вместо создания политических перформансов его команда стала вырабатывать новые форматы деятельности, от организации митингов до вовлечения

сторонников в агитацию. Другие объединения также поставили антивоенную тематику в центр своей повестки: это художественные группы, которые рефлексиируют о войне в своем творчестве, медиа, которые изменили свою повестку после начала полномасштабных военных действий, а также правозащитные организации, которые меняют свой профиль, чтобы оказывать помощь попавшим под новые репрессивные законы или мобилизацию. Все остальные случаи представляют инициативы, которые возникли после 24 февраля 2022 года как реакция на вторжение РФ в Украину и как работа с ее последствиями.

Важно отметить, что отбор респондентов осуществлялся среди инициатив, которые публично

заявляют о своем существовании. Некоторые их создатели/участники выступают «с открытым лицом», большинство — анонимно, но сама деятельность непременно репрезентирована в социальных сетях (прежде всего — в Telegram). Фактически, все исследованные инициативы ведут медиарботу — даже те, для кого это не основное направление. Таким образом, наша выборка не включает инициативы, которые существуют вне онлайн-пространства, а результаты анализа не репрезентируют все разнообразие антивоенных инициатив в России — в том числе не охватывают не представленную онлайн низовую слабо организованную или индивидуальную агитацию, саботаж, а также антивоенные высказывания и действия вне публичного поля.

Тематически рассмотренные инициативы охватывают следующие категории:

1. Проекты помощи гражданам Украины, вынужденно оказавшимся на территории России;
2. Медиапроекты с антивоенной повесткой, проекты борьбы против пропаганды и цензуры;
3. Проекты, организованные в национальных республиках России и продвигающие деколониальную повестку;
4. Проекты, созданные профессиональными группами для оказания гуманитарной (например, психологической) помощи россиянам, подвергающимся репрессиям или угрозе репрессий, в том числе, конкретным группам россиян (например, ЛГБТ+-сообществу или журналистам);

5. Проекты, связанные с правозащитой;

6. Проекты распространения агитации, в том числе уличное искусство и неорганизованные практики уличной агитации или саботажа.

По каждому направлению был составлен список инициатив, отличающихся по масштабу, аудитории, принципам, опыту работы и другим параметрам. Связь со многими оказалась затруднительной. Без ответа остались 12 запросов. Мы также получили 7 прямых отказов, один из которых, от инициативы, работающей в одной из национальных республик РФ, был сформулирован как «Русский военный корабль, иди нахуй!»¹. В итоговую выборку попали по 3–5 интервью из каждого направления. После транскрибирования и анонимизации мы провели тематическое кодирование текстов интервью и проанализировали их.

¹ В этой формулировке мы видим солидаризацию национальной республики РФ с Украиной и отказ от взаимодействия с «русскими», несущими ответственность за имперскую политику России в отношении и бывших стран СССР, и национальных республик в составе федерации.

Безопасность участников

Работа антивоенных инициатив на территории России связана со множеством реальных и предполагаемых рисков, исходящих как от правоохранительных органов, так и от агрессивно настроенных «патриотичных» промилитаристских групп и отдельных людей. В связи с этим особое внимание мы уделяли безопасности участников исследования — как информантов, так и исследователей. Мы безопасно храним анонимизированные собранные данные. В представленных ниже результатах мы не упоминаем имена участников и названия антивоенных инициатив даже в том случае, когда их работа ведется относительно публично. В случаях, когда это важно для интерпретации данных, мы указываем лишь анонимизированные данные об инициативе (направление деятельности, стаж работы, территориальную привязку и др.)

Вероятно, потенциальная небезопасность участия в исследовании,

связанная с возможной случайной или умышленной деанонимизацией создателей или участников антивоенных инициатив, была существенной причиной отказов, которые мы получили в ходе рекрутинга информантов. Многие согласившиеся на участие в интервью не продемонстрировали серьезной обеспокоенности вопросами безопасности, другие информанты все же говорили достаточно сдержанно, отказывались отвечать на часть предложенных вопросов, выражая обеспокоенность тем, как мы будем использовать данные и насколько вероятно, что их данные случайно попадут в публичный доступ. Как сказал один из участников, отвечая на вопрос о своем эмоциональном состоянии и переживаниях:

«Ну, конечно, я боюсь, что вы возьмете у меня интервью, потом отдадите меня спецслужбам российским, меня арестуют» (2).

Одно интервью по запросу участников было проведено в текстовой форме (переписка через телеграм-бот проекта). Несколько раз мы предоставляли поручительства от надежных общих знакомых, чтобы получить лучший доступ и доказать свой исключительно исследовательский интерес в сборе информации.

РАЗНООБРАЗИЕ ИНИЦИАТИВ

Проводя отбор инициатив для интервью, мы предполагали, что тематические направления, к которым они принадлежат, будут существенно влиять на характер их работы. Эта гипотеза подтвердилась лишь частично; анализ показал, что наиболее

яркие отличия проходят по другим линиям. В этом разделе мы представим антивоенные инициативы, работающие в России, с точки зрения их масштаба, бэкграунда и местонахождения участников, а также разных аспектов формата их работы.

Организационная структура инициатив

Инициативы, попавшие в нашу выборку, можно отнести к одному из пяти видов организационных структур или представить как комбинацию элементов этих структур.

1. Один активист

Две инициативы из нашей выборки работают благодаря усилиям одного человека. В одном случае это театральный проект, в котором художник вовлекает непрофессионалов в создание собственных произведений на антивоенную тематику. В другом случае — инициатива по оказанию финансовой помощи гражданам Украины, вынужденно оказавшимся на территории России.

2. Ядро и волонтеры

В центре инициативы — стабильная, слабо ротируемая группа, члены которой распределяют задачи. В некоторых случаях они уделяют антивоенной деятельности рабочее время, получая зарплату или занимая формальную должность, если речь идет об НКО или СМИ. Чаще участники «ядра» уделяют работе в рамках инициативы несколько часов в неделю, в редких случаях — «*все свободное время*». У ядра может быть яркий лидер, публичное лицо проекта, но большинство инициатив в выборке организованы скорее горизонтально, как коллектив относительно равных участников. Вокруг «ядра» формируется группа волонтеров или участников, которые уделяют инициативе существенно меньше времени и делают это нерегулярно, могут «появляться» и «пропадать», выполняют отдельные задачи, берут на себя «часы дежурства» (если речь о работе Telegram-ботов или обработке заявок от целевой аудитории проекта). Значимость работы волонтеров разная: в каких-то проектах они берут на себя лишь небольшую долю нагрузки, в других — оказываются центральным ресурсом для работы. Как указывает один из участников крупного медийного и четко организованного проекта помощи в избежании мобилизации, «*на самом деле, основную работу делают волонтеры*» (3). Разделение на «волонтеров» и «активистов» во многих инициативах довольно условное и определяется границами онлайн-чата, в который входят не все, кто более или менее активно участвует в работе инициативы. Так, например, участник инициативы в одной из национальных республик РФ (4) говорит о таком «чате-косяке» и при этом использует слова «волонтеры» и «активисты» почти как синонимы:

«Раз в неделю мы созваниваемся, и у нас есть чат, который постоянно — ну разные чаты есть, [...] по разной тематике у нас волонтеры есть, [...] по разной тематике с ними общаемся, с разными активистами. Есть косяк, в котором мы только наши посты обсуждаем, наши события, новости обсуждаем, как на них реагировать».

3. Организаторы и эксперты

Эта структура характерна для инициатив, которые оказывают профессиональную поддержку (например, психологическую или юридическую помощь).

Организаторы занимаются инфраструктурой работы проекта, обеспечивая доступ к целевой аудитории, рекрутинг участников, поддерживают видимость через медиа, управляют всеми процессами и собирают нужные ресурсы. Эксперты оказывают непосредственные услуги тем, на кого направлена деятельность проекта. В случае юридической помощи почти всегда речь идет об оплате работы экспертов. В случае медийных проектов — эксперты предлагают аналитику, которая превращается в центральный ресурс для СМИ.

4. Распределенная горизонтальная структура

Для некоторых проектов характерна горизонтальная структура, где нет четкой иерархии и зачастую даже не известно

конкретное число участников. Так, например, инициативы анархистской направленности и феминистские инициативы представляют собой сеть «ячеек», которые взаимодействуют и координируются друг с другом, но действуют самостоятельно, разделяя общие принципы сети. Принятие решений в таких коллективах происходит путем консенсуса или голосования, а разделение ролей — *«по принципу комитетов, создаваемых под решение тех или иных задач, однако это не фиксированные сущности»* (5). Групповые художественные инициативы, представленные в нашей выборке, также имеют горизонтальную структуру, внутри которой (коллективно) вырабатываются идеи и реализуются проекты. Наиболее необычным образцом этой структуры стала одна из инициатив, помогающих гражданам Украины, вынужденно оказавшимся на территории РФ, уехать за границы России: процесс включает целую мозаику задач от восстановления документов, сборки маршрута и поиска конкретных волонтеров-водители до обеспечения одеждой, ночлегом и питанием. Участница интервью назвала такую краудсорсинговую структуру «экосистемой»:

«Там есть группа людей, которая называется админкой, но, на самом деле, ничего не решает. В какой-то момент там стало появляться очень много отдельных вещей. Это экосистема. [...] там нет структуры толком, это просто какая-то переплетающаяся среда. [...] Но мы просто работаем все вместе, ощущаем себя членами одного сообщества, но там оно абсолютно децентрализованное и очень сильно горизонтальное» (6).

5. Иные сложно организованные структуры

В отдельных случаях нам встретились сложно организованные структуры, созданные на базе НКО. В них есть выборные должности, исполнительные органы, контролирующие советы и другие элементы, свойственные политическим и общественным организациям. Они также могут привлекать волонтеров и экспертов, оставляя их за пределами собственной структуры.

Имеющиеся данные не позволяют сделать выводы о том, что одни организационные формы более или менее устойчивы, чем другие. Рискам развалиться подвержены и инициативы с одним организатором, и горизонтальные коллективы, и проекты с четким распределением ролей и должностей. Объем оказываемой помощи и количество реализованных проектов также никак не соотносится с типами организационных структур. Однако, как мы покажем ниже, эти структуры могут сталкиваться с разными проблемами и иметь запрос на разные типы ресурсов.

Размер и масштаб работы инициатив

Определение масштаба инициатив — непростая задача. Какие инициативы считать крупными, масштабными, а какие — небольшими, локальными? Мы предлагаем несколько разных, в том числе противоречащих друг другу параметров такой оценки, которые соотносятся с разными типами организационных структур антивоенных инициатив.

РАЗМЕР КОМАНДЫ

Инициативы типа «Ядро и волонтеры» насчитывают до 40 участников (обычно около 10–15 человек) и пул волонтеров, размер которого называют точно лишь некоторые инициативы. Наибольшее число волонтеров, упоминаемое в интервью — 300 человек в новом проекте, созданном летом 2022 года (3), и «несколько тысяч» в проекте, существующем с 2011 года (7). Горизонтальные распределенные структуры гораздо хуже поддаются оценке размера команды. Само подобное разделение на команду, волонтеров,

участников и не-участников для многих инициатив вообще не релевантно. Так, децентрализованная «экосистема» работы с беженцами и депортированными не предполагает разделения ролей «волонтер» — «активист»: разделение происходит по линиям функционала (кто чем занимается). Такая структура не знает сама, насколько она велика, потому что у нее постоянно появляются отдельные чаты в мессенджерах, суб-инициативы, «подразделения», которые тем не менее работают над одной и той же задачей, хоть и не связаны никакой четкой структурой с разделением ролей. Наконец, в нескольких инициативах, как уже было отмечено выше, команда состоит из одного человека, при этом объем деятельности таких инициатив не уступает другим.

ЛОКАЛЬНОСТЬ

Масштаб можно рассматривать по критерию территориальной или групповой привязки инициативы. Одни работают в широких границах и говорят, что их аудитория — это *«в основном россияне из крупных городов, которые остались в России, не уехали в эмиграцию по каким-то причинам» (8)* или *«все люди страны, и для них всех мы это и делаем» (5)*. При этом оценка реального охвата может отличаться от представлений о потенциальной целевой аудитории: так, у одной из инициатив пока не попадает в поле деятельности *«большая часть страны, поскольку инициатива небольшая» (9)*, хотя инициатива и постоянно расширяется, создавая подразделения в новых городах. Другой тип инициатив ограничивает свою деятельность и ставит задачей работу с отдельными группами людей, в том числе на определенной территории. Так, есть инициативы, которые работают «с аудиторией сомневающихся женщин» (10) или последствиями войны для ЛГБТ-людей, которые *«стали одной из мишеней деятельности властей» (11)*. Другой участник исследования суммирует задачи своей работы именно в категориях территории: *«привлекаем, собираем и... направляем, объединяем сторонников из [название субъекта РФ]» (12)*. В национальных республиках инициативы больше сфокусированы на этнической группе и созданы для защиты *«прав и интересов народа [республики]» (13)*, например, посредством остановки мобилизации, которую воспринимают как *«геноцид народа [республики]» (14)*.

АУДИТОРИЯ ОНЛАЙН

Поскольку все инициативы в нашей выборке имеют публичные онлайн-площадки, их размер можно оценивать по охвату аудиторий, то есть по числу подписчиков. Для медиапроектов это наиболее важный показатель их влияния и эффективности работы. Они ставят себе задачи наращивать подписчиков, предпринимают шаги, которые ведут к такому росту. Для проектов, которые рекрутируют участников через социальные сети, это так-

же важный показатель актуальности их работы и ресурс, который можно мобилизовать, например, в случае сбора средств на какую-то деятельность. Одна из участниц рассказала о знакомом проекте, который в определенный момент находился в поисках источника новых подписчиков, и именно это мотивировало его создателей открыть совершенно новое направление работы: *«Они сказали, да, [...] вот мы сейчас думаем, как привлечь новых, новых подписчиков. [...] Мы придумали, что мы будем делать свою психологическую помощь. [...] Потому что мы считаем, что это сейчас как раз может привлечь людей» (15).*

ОБЪЕМ ПОМОЩИ

Масштаб инициативы можно оценить по объему оказанной помощи, количеству проведенных мероприятий, проектов, кейсов. Это подходящий параметр для организаций, которые занимаются решением однотипных задач и ведут учет. Так, одна из инициатив оказывает 30–40 юридических консультаций в месяц, другая помогла 3,5 тысячам человек избежать мобилизации, третья вывезла из России в Европу более 10 тысяч украинских семей, четвертая оказала психологическую помощь более чем тысяче человек. Инициативы другого формата, гибкие, меняющиеся под задачи, разворачивающие деятельность сразу по множеству направлений, включая агитационную, просветительскую работу, не могут самостоятельно количественно оценить результаты. Например, предложение юридической помощи военным-контрактникам, решившим отказаться от службы, в одной из национальных республик передавалось по «сарафанному радио» от одних людей другим, и поэтому подсчитать число получивших поддержку оказалось сложно: *«Люди говорили — ну вот те, которым мы помогли, говорили, что не только они, но и друзья слушают то, что мы говорим, и делают, соответственно, там, скорее всего, больше людей. По некоторым сведениям это почти 600 человек было» (4).*

Размер и масштаб — понятия подвижные, определять их можно по-разному. Число вовлеченных в деятельность инициатив — как с помогающей, распространяющей, так и с принимающей помощь, читающей и вовлекающей стороны — оценить сложно. Важно, что антивоенные инициативы невозможно сравнить по одному универсальному параметру, призванному отразить их размер и масштаб работы.

Работа из России и из-за границы

При отборе инициатив мы не знали, где находятся их участники. Интервью показали, что местонахождение участников связано с направлением работы инициативы лишь отчасти, большинство инициатив работают из-за границы, однако во многих случаях инициативу развивают коллективы, распределенные по обе стороны границы.

Логично, что в России находятся участники тех инициатив, которые решают задачи, требующие физического присутствия. Так, инициатива, помогающая гражданам Украины выехать из РФ, предполагает, что ее участники собирают и доставляют украинцам вещи, перевозят их из одного населенного пункта в другой, помогают с оформлением документов, сопровождая в бюрократические инстанции, предлагают ночлег в собственных квартирах и так далее. Все это невозможно осуществлять, не находясь в России. В то же время инициатива отчасти зависит от контактов с теми, кто находится за границей, поскольку маршруты пролегают и по европейской территории. Дистанционно также можно координировать работу и, например, заниматься онлайн-закупками. Инициативы

«прямого действия» осуществляют диверсии, связанные с нарушением снабжения российской армии, а значит, их работа напрямую направлена на инфраструктуры, находящиеся на территории России. Уличное искусство требует непосредственной работы с городской средой в России. Правозащитные организации также не могут обойтись без присутствия в России: они вовлекают экспертов-юристов, которые посещают политических заключенных или представляют их интересы в судах. При этом координаторы инициативы могут находиться за границей.

Работа из России имеет свои преимущества, несмотря на сопряженные с этим риски для участников антивоенных инициатив. В ряде случаев мы видим запрос на присутствие в России части команды: *«вы спросили, че не хватает. Я сказал: не хватает людей, денег, ресурсов, людей в России, кстати, щас подумал, но это совсем экзотика: человек из России, который готов работать»* (12). Такие люди могут выполнять очень важную работу «на местах», которую не заменить онлайн-инструментами.

В других случаях присутствие в России связано также с идеологической позицией и убеждениями активистов. Одна из правозащитных инициатив подчеркивает важность не просто присутствия участников в России, но и наличия публичного офиса: *«Это дает вам некоторое доверие, это дает нам точку сбора. Раз мы постоянно привлекаем новых юристов, адвокатов, нам нужно собирать где-то эти группы» (11)*. Как отмечает представитель этой инициативы, другие антивоенные активисты считают его сумасшедшим, а фонды не слишком настроены на поддержку такой работы.

Большинство инициатив в нашей выборке полностью состоят из переехавших за границу россиян. Это медиапроекты, психологическая помощь, политические агитационные инициативы, заграничные шелтеры для уехавших, а также инициативы, консультирующие по широкому спектру вопросов. Некоторые из них официально зарегистрированы в качестве НКО

в Грузии, Литве и Польше и имеют офисы, но основная масса существует лишь в онлайн-пространстве, и для их работы требуется лишь инфраструктура мессенджеров и видеосвязь.

В основном уехавшие россияне, принимающие участие в инициативах, покинули страну после 24 февраля 2022 года, и лишь несколько инициатив в нашей выборке созданы теми, кто оказался за границей в рамках эмиграции других волн. География участников охватывает множество стран: Грузию, Армению, Турцию, Германию, Швецию, Польшу, Литву, Латвию, США и другие страны. Направление работы некоторых инициатив таково, что они только выигрывают от широты присутствия их участников и экспертов, с которыми они работают, — например, инициатива, оказывающая психологическую помощь, может позволить себе организовать кризисную линию с психотерапевтом 24/7 как раз из-за того, что ее участники разбросаны по миру:

«Любой человек может прийти и получить [поддержку] в любое время, потому что у нас терапевты находятся в разных частях мира» (15).

Наши данные не позволяют сказать, что направления работы строго требуют от участников присутствия или отсутствия в России. Например, публичная деятельность медиа или правозащитников не всегда воспринимается ими настолько опасной, что требует выезда из РФ. Аналогично, гуманитарный, помогающий характер инициатив не означает, что их участники чувствуют себя безопасно в России — часть таких коллективов переехали и успешно ведут работу из-за границы.

Гуманитарные и агитационные инициативы

Гуманитарные инициативы ставят задачей оказать помощь той или иной группе людей. Одна из инициатив называет целью «*помочь выжить учителям, не борясь со своей совестью в нынешних условиях*» (16), другая — «*чтобы они [украинские беженцы/депортированные] получили помощь. Любую, какую могут. Какую мы можем им дать, и какая им нужна*» (17). Такие инициативы призваны «*смягчить катастрофу войны*» (17), «*работа[ть] с последствиями начала войны*» (11). Помощь представляет собой юридические консультации, предоставление убежища, обеспечение перемещения через границу, распределение вещей и продуктов, материальную и психологическую поддержку, поддержку в избегании военной службы. Представительница одной из таких инициатив заострила внимание на том, что такая деятельность, хоть и важна, не является в строгом смысле «*антивоенной*», потому что не ведет к непосредственной остановке войны:

«Ребят, снимите там свои короны. Мы, действительно, делаем вклад. Это классно. То, что мы делаем, это важно. Но это не остановка войны, это не смена режима, то, что мы делаем» (18).

Агитационные инициативы как раз направлены на непосредственную остановку войны. Это может быть прямое действие — так, некоторые анархистские организации занимаются «*непосредственными атаками на государственную и военную машину РФ*» (5), выводя из строя вышки сотовой связи и препятствуя перемещению железнодорожных составов. Однако чаще инициативы разворачивают именно агитационную работу, стремясь менять политические настроения россиян и показывать, что вокруг антивоенно настроенных людей есть сообщество единомышленников. Аудитория таких инициатив получает не помощь, но информацию, аналитику и инструменты для соучастия в агитационной работе. С одной стороны, их задача подготовить людей к коллективному действию:

«собрать людей, дать им надежду, дать им понять, что они не одиноки, в некое сообщество, готовое к каким-то действиям, кстати, к какому-то единому действию» (12).

С другой стороны, такие инициативы стремятся создать инструменты для индивидуального действия, превращая своих подписчиков в активных действующих сторонников:

«Мы посвящаем свои социальные сети тем людям, кто ищет ответы на вопросы, что делать. Мы предлагаем людям ответы на эти вопросы. [...] При этом мы им предлагаем такие действия, которые направлены вовне этого круга. [...] Очень важно, чтобы люди включались в агитацию, чтобы они расклеивали листовки так, чтобы попали люди, которых мы не зацепим с помощью социальных сетей напрямую» (1).

Участники таких инициатив рассказывают вдохновляющие истории сопротивления из разных городов России, убеждают сомневающихся занять антивоенную позицию, разрабатывают и распространяют шаблоны агитматериалов, предлагают различные формы «тихого» протеста, обучают сторонников минимизировать риски, обращив требования государства в протест — например, в случае необходимости проводить патриотические уроки, *«формально их провести, но при этом не нарушая своей идейной позиции» (16).*

Для *агитационных* инициатив очень важна политическая позиция участников. Они работают с уже имеющимися сторонниками — *«это уже заинтересованные люди, которые уже находятся на нашей стороне» (1)* — и задействуют их для привлечения новых сторонников. *Гуманитарные же* инициативы более склонны к демонстрации политической нейтральности, поскольку оказывают помощь нуждающимся в ней людям, а не политическим субъектам. В ряде случаев им приходится даже замалчивать свою антивоенную позицию и модерировать политические высказывания, как, например, в инициативе помощи украинцам, вынужденно оказавшимся на территории России, в которой принимают участие даже те, кто поддерживает российское правительство:

«Это объединяющая платформа, очень внятная цель. И, повторюсь, она не политическая. Это не будущая платформа для будущей политической партии. У нас очень жесткая модерация насчет любых политических высказываний» (6).

Возникает также напряжение между антивоенной позицией создателей инициатив и требованием профессиональной этики — например, в инициативе по оказанию психологической помощи большая часть терапевтов поддерживала идею *«говорить людям, ребятам, чтобы они не брали повестки, чтобы они уезжали просто на какое-то время в безопасное пространство»*, другие же считали, что это непрофессионально, поскольку *«мы навязываем свою точку зрения и что, может быть, и можно остаться, и должен человек принимать решение сам»* (15).

Особый интерес представляют инициативы, которые ставят задачи «агитационного» типа и реализуют их «гуманитарными» средствами. Одна из участниц исследования рассказала о том, что публичный образ ее инициативы не соответствует идеям, которые разделяют создательницы, потому что цель инициативы —

«вовлечь женщин, которые не думают о том, что обладают каким-то политическим влиянием или голосом» (10).

Команда разработала такой «фасад», который позволяет эффективнее влиять на целевую аудиторию, не отпугивать ее незнакомой терминологией или политизацией: *«Мы прекрасно понимаем, что наша риторика не для демократического сообщества, не для тех, кто уже был вовлечен в какие-то протесты или все прекрасно понимает про войну. Мы разговариваем [...] на очень дурацком языке, которые иногда высмеивают всякие [работающие с аналогичной группой] инициативы. Нам плевать, у нас есть другая задача»* (10).

Проектные и спонтанные/реактивные инициативы

Проектными можно назвать те инициативы, которые создают и ведут опытные менеджеры, развивая их в логике социального предпринимательства или онлайн-медиа. Часто это публичные люди, социальные предприниматели или медиаменеджеры, которые покинули Россию и начали новые проекты за границей. В интервью с участниками таких инициатив — структурированный, четкий, хорошо подготовленный рассказ о целях и задачах, инструментах работы, способах проектной организации, разделении ролей внутри, объеме оказанной помощи, планах и перспективах. Создатели и участники таких инициатив говорят на языке проектной работы, знают, где и как искать ресурсы для работы, умеют организовывать фандрайзинговые кампании, понимают логику работы медиа, умеют продвигать свои проекты. Их работа хоть и сталкивается с трудностями, все же хорошо отлажена, а новый проект они разворачивают в кратчайшие сроки — как, например, известный петербургский социальный предприниматель, который, по словам его соратника,

«буквально за несколько дней запустил этот проект и собрал команду»
(3).

Участники таких инициатив понимают, куда им нужно развиваться, рефлексируют свои ограничения и проблемы. Используя слово «услуга» в описании своей работы, они следуют логике рынка социального предпринимательства, где нужно соперничать с другими за подписчиков, донаты и гранты.

Другой тип инициатив мы условно называем *спонтанными*, или *реактивными*. Их создание — реакция на вторжение России в Украину. На старте их создатели не имели четкого представления о том, чем конкретно будут заниматься, — как, например, инициатива, возникшая в одной из национальных республик РФ, вдохновившаяся аналогичной деятельностью в соседней республике:

«Ну и мы решили, что нам нужно что-то такое тоже организовать [...] Ну, молчать уже больше просто не было сил. И чтобы совместно что-то делать, совместные усилия — они всегда как бы более продуктивные»
(14).

Драйвер таких инициатив — эмоциональное состояние участников, которые потеряны и пытаются заняться какой-то полезной деятельностью, начинают объединяться и постепенно определяют направление своей работы:

«Эмоции преобладали, скорее всего, при вот этих объединениях, при объединении нашем. Но в конце концов, когда... эмоции все равно как бы через какое-то время уже... прекращаются [...] Люди приходили и уходили, и так сформировался вот щас как бы основной костяк» (4).

Спонтанные/реактивные инициативы будто следуют за потоком, меняясь по ходу дела, не имея четкого плана, что позволяет им неограниченно расширять свою работу и проникать в самые отдаленные места и к самым труднодоступным аудиториям. Они подстраиваются под ситуации, в которых оказываются. Яркий пример — в ответ на сообщение беженки из Мариуполя создатель информационного канала об антивоенных инициативах не смог ответить *«Простите, мы информацией помогаем. Мы не можем ничего сделать» (17)*, а вместо этого перепрофилировал работу и занялся финансовой помощью беженцам и депортированным.

Создатели таких инициатив в большинстве своем (но не все) не имели предшествующего опыта управления активистскими или социальными проектами; в отличие от «профессиональных» проектных менеджеров, они не говорят на языке целей, задач и показателей эффективности. Из интервью не всегда легко понять, каковы конкретные цели их работы: один из участников емко сформулировал это во фразе *«Теперь наша цель — во-первых, найти эту цель какую-то» (12)*. За полтора часа разговора некоторые называют три-пять разных целей или, отвечая на вопрос интервьюера о целях, сразу переключаются на рассказ о широчайшем разнообразии работы, которую проводят. Участники спонтанных инициатив называют много вариантов своего развития, но эти размышления звучат скорее как описание возможностей и интересов, нежели как конкретные планы, проекты, стратегии.

Инициативы «одного вопроса» и «на все руки»

Что касается спектра реализуемых задач, случаи в нашей выборке можно условно разделить на инициативы «одного вопроса», которые прицельно занимаются однотипными задачами, и инициативы «на все руки», разнообразие деятельности которых намного шире. Это разделение может показаться аналогичным различению «проектных» и «спонтанных» инициатив, что до определенной степени верно, так как «спонтанность» зачастую идет в ногу с разнообразием деятельности. Однако и среди опытных, давно существующих и вполне проектно ориентированных инициатив также встречаются те, у кого широк спектр деятельности.

Инициативы «на все руки» характеризует ироничное высказывание одного из участников исследования:

«В большинстве своем НКО, в особенности если без гранта, то работают так: сегодня мы кормим бомжей, завтра мы проводим исследование, послезавтра еще что-то приходит, кино будем крутить» (11).

Им он противопоставляет свою инициативу, которая занимается однотипными правозащитными задачами и профессионализируется в их решении. Другие инициативы, хоть и предлагают разностороннюю помощь, остаются все в том же четко очерченном пространстве «одного вопроса». Так, некоторые организации, о которых шла речь выше как о «проектных», собирают заявки и запросы от целевой аудитории через Telegram-боты, а затем решают конкретные задачи в соответствии с этими заявками. «Реактивные» организации также могут оставаться в узко специализированном поле задач. Так, хотя каждый случай вывоза граждан Украины из России в Европу оказывается уникальным и порождает нестандартные задачи, инициатива, которая занимается этой проблематикой постоянно, работает с одной и той же целевой аудиторией и занимается однотипными задачами. Для участия в этой инициативе не требуется профессиональный бэкграунд, ее участники профессионализируются постепенно через решение конкретных задач по работе с беженцами и депортированными.

Инициативы «*на все руки*», напротив, работают с разноплановыми задачами и более гибки вне зависимости от того, являются они «спонтанными» или «проектными». Так, одна из крупных инициатив, выстроенная по горизонтальному принципу, работает «на все руки» в проектной логике. Разнообразие ее деятельности связано с большим количеством подразделений, каждое из которых реализует отдельный небольшой проект: это может быть проект помощи гражданам Украины в российских ПВР, организация психологической службы, агитационный проект, правозащитный проект и многое другое. Многообразие поддерживается сетью отдельных, но общающихся коллективов, среди которых, по словам одной из участниц, «нет главных, они все одинаковые, одинаково важные, просто на них работают разные команды людей. Тем не менее, все эти направления находятся в постоянном синхроне друг с другом» (19).

Среди ситуативных инициатив можно упомянуть небольшое региональное медиа, организованное на базе бывшего штаба Навального, которое может среди прочего собирать пожертвования на оплату штрафов задержанным, организовывать митинги, снимать видеоматериалы о пикетах и протесте, оказывать правозащитную помощь отдельным активистам, собирать списки погибших военных в регионе. Другой типичный пример — инициатива, созданная в национальной республике, которая среди прочего самостоятельно разыскивает тех, кто может нуждаться в помощи, оказывает юридическую поддержку контрактникам, желающим прекратить военную службу, создает и поддерживает локальные антивоенные группы в мессенджерах, ведет агитацию в провоенных чатах, помогает журналистам, мобилизованным и контрактникам выезжать за рубеж (в том числе нелегально), собирает деньги для оплаты штрафов задержанным, а также одновременно ведет свою страницу в соцсетях, информируя читателей о событиях в республике и способах сопротивления. Поскольку разнообразие деятельности конфликтует с профессионализацией в решении отдельных задач, для оказания более качественной помощи такие организации могут кооперироваться с другими, более компетентными в тех или иных вопросах.

Политизация и антивоенная повестка

Инициативы в нашей выборке не осуществляют «чистую» антивоенную деятельность, но почти всегда вписывают ее в разные политические и ценностные контексты. В результате антивоенная работа, с одной стороны, выступает целью, инструменты достижения которой политизированы и связаны с бэкграундом участников инициативы, а с другой стороны, выступает как инструмент, который может вести к реализации их коллективных политических целей.

В первом случае политические установки создателей и участников антивоенных инициатив влияют на то, какими методами они действуют. Инициативы, появившиеся на базе политических объединений (например, бывших региональных штабов Навального), в первые недели после начала войны пользовались знакомыми им инструментами уличной политики, собирая митинги и организуя пикеты. В левой части спектра инициативы с профсоюзным опытом стремятся устраивать забастовки и саботировать рабочие процессы, анархистские объединения устраивают диверсии, а феминистские мобилизуют аудиторию через привычную им риторику эмпауэрмента женщин.

Во втором случае антивоенная деятельность предстает инструментом достижения более широких политических целей. Для одних цель —

«переустройство общественной жизни в РФ согласно идеалам анархо-коммунизма. И противодействие войне — это как метод переустройства, так и часть этого переустройства, т. к. в анархо-обществе войны уйдут в прошлое, и остановить войну — значит приблизить этот миг» (5).

Для других остановка войны приближает совсем иное будущее, когда

«великий народ объединяется и выстраивает новую прекрасную либертарианскую страну» (12).

Третьи фреймируют антивоенную работу в связке с деколониальной повесткой:

«тактическая [цель] у нас сейчас — [остановка] войн[ы] и мобилизаци[и]. А стратегическая цель — это сильная, демократическая, независимая [название национальной республики]» (14).

Не только те инициативы, что мы выше отнесли к «агитационным», представляют себя политическими субъектами. Одна из правозащитных инициатив, хоть и не проговаривает свою политическую позицию и не нацелена только на помощь политическим сторонникам, все же позиционирует себя как политическое объединение: *«Наша миссия отличается от миссий обычных правозащитных организаций. Это связано с тем, что мы рассматриваем себя не как гуманитарную структуру, которая просто оказывает услуги, и не как сервис, который оказывает услуги за деньги. В первую очередь, наверное, правозащитную, отчасти даже политическую организацию» (11).* Миссия такой организации — «формирование культуры отстаивания своих прав», она нацелена на формирование более безопасного пространства для уязвимых групп, остающихся в России, и на изменения на уровне взаимодействия людей и институтов.

РЕСУРСЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНИЦИАТИВ

Этот раздел посвящен обзору и анализу проблем взаимодействия антивоенных инициатив со своими аудиториями, с государством и между собой, а также вопросам обеспечения ресурсами, которые необходимы для работы. Завершает раздел глава, посвященная вопросам сотрудничества российских антивоенных инициатив с представителями гражданского общества Украины и перспективам примирительной работы украинского и российского обществ.

Медийная деятельность антивоенных инициатив

Практически для всех антивоенных инициатив, принявших участие в исследовании, медиа — каналы взаимодействия с аудиторией — имеют важнейшее значение. Ведение страниц в Telegram или Instagram является основным фокусом гражданской активности лишь некоторых инициатив, однако эти каналы чрезвычайно важны для поддержания работы всех попавших в нашу выборку активистских групп.

Прежде всего медиа выступают визитной карточкой гражданской инициативы, через которую активисты рассказывают о своей деятельности. Посредством медиа инициативы становятся видимыми в публичном пространстве и тем самым приобретают символическую власть внутри антивоенного движения, так как могут формиро-

вать повестку и влиять на мнения людей. Их активность приобретает статус политического высказывания. Медиа как «визитная карточка» существуют даже у инициатив, действующих скрытно, вне правового российского поля — например, у коллективов, занимающихся диверсионной работой (5).

Посредством медиа инициативы выполняют организационные задачи: они рекрутируют волонтеров и организуют их деятельность, аккумулируют запросы на помощь, собирают донаты под решение конкретных задач и пр. (8, 6). В данном случае медиа оказываются и инфраструктурой, и своего рода «точкой сборки» гражданской инициативы.

Для ряда инициатив, чья миссия связана с информированием и агитацией, медиа становятся основной формой их антивоенной деятельности. Так, один из информантов рассказывает об изменениях в работе инициативы с началом военных действий:

«[мы были организованы как] медиа, которое могло бы предоставлять всю палитру мнений и делать качественный журналистский контент о региональной повестке, связанной с защитой прав человека, защитой экологических каких-то прав, экологическим инициативам, городским инициативам и так далее [...] А после начала войны мы увидели огромный интерес к антивоенной тематике, потому что когда были все эти протесты, которые либо замалчивались в медиа, либо подавались в сугубо таком националистическом ключе негативном, мы увидели огромный интерес к этой информации» (20).

Другие крупные инициативы совмещают задачи, подчеркивая значение медийности в рамках общей гражданской активности: *«Ну, мы не совсем правозащитная организация. Мы правозащитный медиапроект. И одна из важнейших частей наших — это собственно работа как медиа [...] Понятно, что мы не совсем СМИ в полноценном понимании просто потому, что у нас немного другие задачи. Наша задача не просто там что-то рассказать, наша задача еще помочь, защитить, информировать. То есть у нас цели чуть больше, чем у обычного медиа, но принцип работы такой же» (7).*

Война России против Украины во многом стала информационной войной. Участники исследования говорят о так называемой информационной блокаде, которую устроили российские власти для своих граждан, и потому одной из важнейших задач антивоенной деятельности, по их мнению, становится информирование и представление альтернативных точек зрения. В эту деятельность вовлечено множество инициатив, формирующих большое антивоенное медийное поле (2, 20, 8, 1, 19 и другие). При этом все эти инициативы ставят перед собой разные задачи, находят собственные ниши, работают с разными аудиториями и так далее. Одни инициативы позиционируют себя как «аналитический канал про войну с упором на экспертизу» (2) и в качестве своей аудитории видят людей, не согласных с войной. Другие работают на производство т. н. «горизонтальных» антивоенных новостей с фокусом на российские регионы (20). Третьи видят свою миссию в том, чтобы работать на более широкую аудиторию, чем образованный средний класс, с тем, чтобы менять общественное мнение и «агитировать сомневающихся»: «То есть нам было очень важно еще выйти за пределы какого-то активистского пузыря, чтобы контент, который мы делаем онлайн, он вирусился и, таким образом, достигал какой-то другой аудитории, которой сами мы, может быть, обычным способом не могли бы достигнуть» (19).

С этой целью инициатива расширяет форматы своей работы и использует различные площадки. В частности, использует не только Telegram-канал (наиболее популярный сервис, с которым работают практически все участники исследования), но и другие онлайн-площадки (ВКонтакте, YouTube и др.). Для аудитории старшего возраста инициатива делает бумажный вариант своих медиа:

«Также мы создавали контент в социальных сетях, который маскировался под какой-то развлекательный, например, контент. То есть мы делали серии всяких Вотсап-открыток, в которых, например, тоже были заложены разные антивоенные послания и разная полезная информация. [...] Дальше мы запустили партизанскую газету, которая тоже существует и офлайн, и онлайн [...], которая визуально, с точки зрения дизайна и стиля речи, маскируется под обычное муниципальное локальное издание, городскую или районную бесплатную газету. Мы специально ее делаем таким образом, чтобы она не кричала сразу о том, что это активистский антивоенный проект» (19).

Широкое медийное поле российских антивоенных инициатив сейчас довольно подвижно. В исследовании мы наблюдали не только объединительную работу и создание коалиций (например, идею выпуска новостных дайджестов, в которых собирались бы публикации из разных источников), но и скрытые конфликты и борьбу за аудиторию. Так или иначе, производство альтернативных новостей и создание антивоенного медийного контента — важная часть антивоенной гражданской активности.

Производство гражданских медиа требует больших ресурсов и особых компетенций, в частности, необходимо уметь создавать качественный и грамотный контент, организовывать техническое обеспечение и красивый дизайн, обладать знаниями о копирайтинге и пр. Такая работа, по мнению участников исследования, требует больших финансовых и временных вложений. Небольшие инициативы, фокусирующиеся на других видах активности, а также созданные недавно и не имеющие опыта работы в этой сфере, как правило, не обладают достаточными ресурсами для этого вида деятельности.

Ресурсы антивоенной деятельности инициатив

В качестве основных ресурсов, которые необходимы для реализации активистских проектов антивоенных инициатив, выступают человеческие ресурсы и финансовая поддержка.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ

Российская военная агрессия против Украины вызвала всплеск гражданской активности россиян, который происходит на фоне растущих репрессий в отношении гражданского общества и даже вопреки им. Практически все участники исследования говорили о важности и необходимости постоянного привлечения и поддержки человеческих ресурсов для деятельности инициатив. В практику антивоенных действий оказались вовлечены не только активисты, которые принимали участие в гражданских инициативах до войны, но и те, кто ранее не был активен. Зачастую активистами и волонтерами становятся

релоканты, которые вынуждены были уехать из РФ в связи с войной (3); огромное количество волонтеров, не имевших опыта активизма, вовлечено в помощь беженцам и депортированным из Украины (6).

Одна из главных проблем волонтерской деятельности, по мнению информантов, связана с т. н. исчерпаемостью человеческих ресурсов. Информанты рассказывали, что со временем активность волонтеров снижается, накапливается усталость, происходит выгорание. Неизвестно, сколько еще продлится война. В такой ситуации очень сложно и иногда невозможно планировать свою жизнь и участие в гражданской активности; непрофессионалам сложно рутинизировать практику помощи пострадавшим от войны, которая выстроена на эмпатии, и так далее. Участники исследования говорили о необходимости привлечения большего числа волонтеров, а также о необходимости их поддержки, в частности, психологической помощи.

Согласно исследованию, особый запрос в антивоенных объединениях существует не только и не столько на волонтеров (хотя их тоже зачастую не хватает), но прежде всего на организаторов и координаторов, чья деятельность требует особых компетенций и определенной профессионализации, которая, в свою очередь, связана с перераспределением времени и финансовой поддержкой. Кроме того, важнейшими компетенциями в активистской деятельности сегодня оказываются знания о фандрайзинге, а также медиа- и PR-компетенции, которые в нынешних условиях инициативы могут получить, сотрудничая друг с другом (см. раздел отчета о сотрудничестве). Таким образом, необходимым ресурсом поддержания гражданской активности становится образование активистов, а также взаимная поддержка инициатив, обмен опытом и peer-to-peer-консультирование.

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА

Новые инициативы, появившиеся на волне антивоенных протестов, еще слабо институционализированы и профессионализированы. Они существуют преимущественно за счет донатов и неоплачиваемого труда волонтеров. Несмотря на тот факт, что количество волонтеров в РФ и за ее пределами с началом войны выросло в разы, этот ресурс тоже ограничен.

Собираемые донаты расходуются не на поддержку активистов, но прежде всего на реализацию конкретных задач, например на ма-

териальную помощь гражданам Украины, вынужденно оказавшимся на территории РФ (17, 6). Чаще всего финансовые сборы идут на оплату труда экспертов: юристов, адвокатов, психологов. Небольшие инициативы понимают ограниченность своих ресурсов и возможностей и выстраивают деятельность, исходя из них:

«Что касается ресурсов, то вообще вопрос, конечно, интересный, потому что здесь очень многое зависит от целей. Пока что те цели, которые мы преследуем, в принципе, удовлетворяются вполне таким активистским интересом инициативной группы. Нам наших сил вполне хватает. Когда был активный период, было тяжело, конечно, но там, в общем, ресурсы было сложно найти в любом случае. Сейчас, я, честно говоря, не знаю, нужно ли привлекать опять-таки что-то дополнительное, потому что у нас нет такой регулярной постоянной ежедневной работы» (16).

Здесь важно отметить, что донаты в основном собираются у россиян, находящихся в РФ и за границей. По мнению одного из участников исследования, сбор денег у граждан России — это принципиальная позиция, потому как финансовая поддержка гражданского общества сегодня — один из немногих возможных и доступных способов борьбы с российским политическим режимом:

«Мы не ищем поддержки и одобрения особо активно извне, потому что, ну, несмотря на то, что наши ценности и взгляды достаточно мейнстримны в Европе, но тем не менее наша повестка, может быть, просто непонятна из-за контекста [...] Если бы мы ориентировались бы в нашем фандрайзинге на людей, которые находятся вне этого контекста, то мы бы не были бы успешны в нем, потому что мы бы либо продвигали не ту повестку, которую мы продвигаем, и тогда это уже негативно повлияло бы на то, чем мы занимаемся. Мы все-таки в первую очередь российская организация, которая хочет политических изменений в России демократическим путем» (1).

У инициатив, которые имеют длительную историю существования

и были релоцированы или созданы за границей, имеется возможность не только собирать донаты, но и получать гранты от различных фондов. Как правило, такие инициативы уже хорошо институционализированы и отчасти профессионализированы, у них имеется опыт фандрайзинга (20, 3). Однако активистская деятельность, которая может осуществляться на основе грантовой поддержки, в настоящее время сталкивается с проблемами финансовых транзакций, прежде всего вызванных санкциями Европейского союза, которые ударили не только по адресатам ограничений, но и по представителям образованного среднего класса, которые вовлечены в активизм. Помимо ограничений по финансовым сделкам, санкции также значительно ограничивают передвижение людей через границу и возможности оплачивать товары и услуги за границей РФ, что тоже мешает гражданской активности (20, 4).

Запрос на финансовые ресурсы также связан с внешними обстоятельствами, которые оказывают влияние на формат работы инициативы. Деятельность антивоенных инициатив в настоящее время проходит одновременно в двух логиках, о которых говорит один из информантов: *«У нас сейчас такая какая-то проектная деятельность или реакция на отдельные события, которые происходят»* (16). Первая логика — проектная, которая в определенном смысле традиционна для активистской деятельности. В рамках этой логики организация или инициатива формулирует цель, разрабатывает план действий, рассчитывает и привлекает ресурсы. Однако во время войны, когда ситуация изменяется довольно быстро и кардинально (например, принимаются или переписываются законы, объявляется мобилизация и пр.), гражданские активисты вынуждены реагировать быстро. Это своего рода реактивная ситуативная деятельность, о которой выше говорит участник исследования, и она требует срочного привлечения ресурсов и/или незапланированных трат. Один из информантов говорит о финансовой политике своей инициативы: *«...горизонт планирования по деньгам — это в лучшем случае два-три месяца»* (20). Такой режим работы и финансирования практически невозможен в проектной логике в соответствии с требованиями фондов, поддерживающих проекты гражданских инициатив.

Безопасность активистской деятельности

Деятельность активистов антивоенных инициатив сопряжена с угрозой жизни и опасностью политических репрессий, о чем говорили практически все участники исследования. При этом для активистов, действующих в России, и для тех, кто уехал в другие страны и участвует в антивоенной деятельности оттуда, формируются разные поля угроз.

Гражданский активизм на территории РФ связан прежде всего с вероятным запретом деятельности и закрытием организации, а также с реальными угрозами уголовного преследования. Информанты рассказывали множество историй подобного рода. Выделяется несколько стратегий в ответ на эти угрозы, и наиболее очевидная и распространенная из них — выезд из России:

«...это все побудило, наверное, некоторых наших ребят, к которым действительно приходили домой, даже в арендованные квартиры к ним приходили, стучались, ну, наружка была — видно, что наружка наблюдала за ними, потом по родственникам ходили, говорят. Ну, то есть это чрезвычайное, скажем, внимание было уделено некоторым ребятам, поэтому... ребята некоторые сразу поехали за рубеж» (4).

Релоцируются как целые организации, так и отдельные активисты, в отношении которых разворачивались репрессии (3, 12 и другие). Зачастую отъезд — это превентивная мера, и активисты видят свою миссию в продолжении своей работы вдали от РФ, оставаясь активными участниками российского гражданского общества.

Вторая стратегия — попытка суще-

ствовать открыто в правовом поле. Активными участниками антивоенных инициатив в России выступают юристы и адвокаты, которые пытаются в рамках существующего российского законодательства защищать граждан, подвергающихся преследованиям из-за их антивоенной позиции (7, 11). С одной стороны, активисты этих организаций открыты и более видимы (а значит, подвержены опасности репресс-

сий), с другой стороны, они имеют профессиональные компетенции для защиты себя и коллег.

Наконец, третья стратегия связана с незаконной диверсионной деятельностью. Такие инициативы действуют скрытно и, находясь в подпольном положении, предпочитают не афишировать свою радикальную активность, лишь изредка публично рассказывая о результатах (5).

При этом большинство антивоенных инициатив, действующих на территории России, занимают промежуточную позицию, уходят в так называемую серую зону. Их активность не наказуема, однако при желании некоторые действия могут интерпретироваться властями как нарушение закона. Это касается, с одной стороны, тихой антивоенной агитации (например, 16), с другой — гуманитарных инициатив, направленных на помощь беженцам и депортированным из Украины, преследуемым активистам, людям, тяжело переживающим события и пр. Такие инициативы пока не подвергаются преследованиям, но опасения участников исследования на этот счет есть.

Кроме того, к «серой» стратегии можно отнести скрытое сопротив-

ление, так называемое «оружие слабых»: тихий саботаж, визуализированные антивоенные высказывания в городе и пр. Участники таких инициатив тоже нуждаются в юридической защите, поскольку могут попасть в поле зрения правоохранительных органов и подвергнуться уголовному преследованию. Однако здесь необходимо подчеркнуть значение и силу таких стихийных и зачастую незаметных антивоенных инициатив, которые тем не менее очень важны. Во-первых, они демонстрируют существование разномыслия и неоднородность российского общества. Во-вторых, в ситуации жестких репрессий в отношении практически любых форм инакомыслия скрытое сопротивление — единственный, хотя и небезопасный способ заявить о своей позиции.

Гражданские активисты, действующие на территории РФ, в большинстве своем осознают опасности и предпринимают меры по защите не только ядра инициатив, но также волонтеров и даже своей аудитории. Однако работа по обеспечению безопасности требует специфических знаний, в частности юридических и технологических (например, о хранении данных и пр.):

«Мы этим занимались на протяжении тридцати лет — делали неправительственные сообщения по нарушениям прав при призыве в российскую армию. Сейчас это невозможно, потому что эта деятельность уголовно преследуема. Но мы эти материалы все равно накапливаем. И большая проблема с архивами документов, и с их безопасным электронным хранением, и с их дальнейшим использованием, в том числе в Международном уголовном суде» (21).

В этом свете меры поддержки антивоенным инициативам могут быть направлены на повышение безопасности их деятельности (обучение, материальное обеспечение и т.д.)

Опасения тех активистов, кто разворачивает свою деятельность на территории других государств (в основном это страны Европейского союза, Кавказа и Центральной Азии), связаны не столько с возможным преследованием российского государства, сколько с нестабильностью положения на новом месте жительства. Активисты рассказывали о страхе из-за

проблем с визой или возможного отказа в виде на жительство (22), о трудностях передвижения по активистским делам за границей (4). Неустойчивость и нестабильность затрудняет легализацию в новой стране пребывания как активистов, так и их организации, что значительно затрудняет всю активистскую деятельность.

Разрыв в положении активистов, находящихся в РФ и за ее пределами, требует внимательного и корректного взаимодействия обеих сторон. Часть информантов понимает эту проблему:

«...мы будем как-то полностью политику безопасности пересматривать из-за того, что большая часть людей все-таки находится в России. Мы стараемся соблюдать разные меры безопасности при переписке в интернете и в целом обезопасить их жизнь. Но приток каких-то новых людей это все под большой вопрос поставит» (23).

В то же время такие разрывы и различия в уязвимости между активистами, действующими в РФ и за ее пределами, могут стать причиной взаимного непонимания, сложностей при солидаризации и даже потенциальных конфликтов. Решение этой проблемы возможно с помощью диалога, в который вовлечены обе стороны.

Опасения и переживания участников исследования связаны не только с реальными угрозами репрессий и нестабильностью существования, но также с экзистенциальными вызовами и страхами. Так, информанты, описывая свое эмоциональное состояние, связывали страх не только с внеш-

ними опасностями, но и с личными переживаниями: *«На самом деле я боюсь за своих родителей, которые все еще в России. [...] Ну и боюсь, на самом деле, никогда не вернуться в Россию. Вот это, вот это страшно. [...] И я, конечно, это все прекрасно понимаю, но... но это страшно — не вернуться в свою страну. Я надеюсь, что я вернусь» (17).*

Очевидно, регулярная психологическая помощь участникам антивоенных инициатив, поддерживающая их в кризисных ситуациях и защищающая от выгорания, — необходимое направление работы фондов с инициативами.

Сотрудничество антивоенных инициатив

В настоящее время российское гражданское общество дисперсно — часть гражданских инициатив релоцировалась за пределы РФ, часть осталась в стране и там либо действует нелегально, либо вынужденно переформатирует свою деятельность в соответствии с новыми политическими и правовыми контекстами. Организации и неформальные объединения, которые существуют давно, поменяли повестку и развивают новые направления активистской деятельности. Также появилось множество новых гражданских инициатив с актуальной антивоенной повесткой. Таким образом, сейчас фактически происходит пересборка российского гражданского общества, в рамках которой идет поиск новых солидарностей и коалиций, а также определяются оппоненты.

² Исследование проходило до съезда антивоенных инициатив в Берлине в начале декабря 2022 года и ряда других мероприятий, в рамках которых проходила встреча разных антивоенных инициатив.

Одна из задач исследования — понять возможности и барьеры солидаризации антивоенных инициатив. Активисты, с которыми удалось побеседовать, как правило, знали об инициативах друг друга². В интервью наиболее часто упоминались крупные гражданские объединения «с историей» (например, «Феминистское антивоенное сопротивление», политическое движение «Весна», фонд «Свободная Бурятия» и др.). Для небольших инициатив эти объединения выступают своего рода рамкой референций — с ними сравнивают масштабы своей деятельности, организационные принципы и пр. Например одна из локальных региональных инициатив (12) описывает свою деятельность сравнивая ее с работой «ФАС» и «Весны», которые становятся своего рода ориентиром для инициативы, примером того, как можно организовать работу и к чему можно стремиться. При этом зачастую в солидаризации недавно созданных и некрупных инициатив с большими хорошо институционализированными организациями первые усматривают опасность поглощения, «перетягивания одеяла», в частности аудитории или ресурсов.

Возможности для солидаризации информанты чаще всего видят в горизонтальном сотрудничестве, например, взаимном информировании о деятельности друг друга:

«Нам нужна сейчас связь со средствами массовой информации, чтобы больше было распространения проектов, и мы соединяемся со всякими возможными там журналами, изданиями. Мы все равно пытаемся сделать коллабы с тем же самым [название инициативы], только в других условиях. Мы все равно продолжаем писать всем возможным друзьям, друзьям, у кого есть хоть какое-то количество подписчиков. Мы ищем антивоенные новые инициативы, чтобы они рассказали про нас» (15).

Другой пример удачного сотрудничества связан с взаимным обучением и обменом опытом:

«Сначала мы пытались запустить такой проект самостоятельно. Без достаточного медиаресурса, без достаточных навыков и в фандрайзинге, и привлечении трудовых юристов — дело не очень перспективное. Первая попытка у нас не удалась. И дальше мы уже скооперировались с инициативами, которые позволили это лучше сделать» (9).

Участники разных инициатив могут обучать друг друга и, будучи экспертами в какой-то определенной нише, делиться знаниями:

«У нас было сотрудничество с одной антивоенной инициативой еще. Мы для них проводили, а-ля, не знаю, не назову мастер-классом, это странно. В общем, рассказывали, как искать людей в тюрьмах, когда у тебя нет о них информации. То есть, ну, это было активистское скорее такое знакомство, чем личное» (23).

Пример сотрудничества, взаимного интереса и выстраивания диалога демонстрируют антивоенные инициативы из национальных республик РФ (12, 13), которые выстраивают свою гражданскую активность в логике национального самоопределения и борьбы с колониализмом. Такая консолидация инициатив объяснима и ожидаема. Связана она, с одной стороны, с разделяемым опытом и идентичными целями, с другой — с работой на разные (национальные) аудитории. Однако другие инициативы, работающие в одном тематическом поле, зачастую вступают друг с другом в конкурентные отношения, соперничая за ресурсы и внимание пересекающихся аудиторий:

«Например, было предложение от [название организации] отдать наших терапевтов на чат-бот. Он предлагал нам отдать им 16 человек, чтобы они сидели и через чат как-то людям помогали. К сожалению, это не работает. Ты не можешь помочь качественным терапевтом, и мы понимали, что да, возможно, мы от-

дадим, про нас они расскажут и тем самым мы получим новых людей и можем развиваться дальше, но при всем при этом мы знали, что если мы отдадим им 16 терапевтов, то качество нашей конкретной кампании снизится, и мы не пошли на этот шаг» (15).

В данном случае, несмотря на возможность расширить аудиторию, инициатива предпочла сохранить автономность и не утратить качество собственной деятельности.

Серьезным барьером в солидаризации инициатив становится борьба за (символическую) власть³, что можно наблюдать у крупных объединений:

³ Исследование и интерпретация причин несовпадений и конфликтов не находится в фокусе данной работы.

«Я думаю, что мы бы не стали сотрудничать с персонами типа Ильи Пономарева или с какими-то такими. Которые пользуются чужими акциями и пользуются войной в Украине, чтобы утверждать собственную власть. То есть с такими прямо принципиально» (4).

Линией разлома выступают идеологические разрывы. В частности, национальные инициативы очень чувствительны к имперской риторике других гражданских объединений, а феминистки — к проявлениям любого вида ксенофобии:

«Я могу сказать, что я точно не готова работать с людьми правых взглядов, с теми, кто выступает за гендерное неравенство, кто продвигает ксенофобию, кто продвигает мигрантофобию, кто одобряет домашнее, гендерное насилие, против ЛГБТ, в общем, любые ксенофобные взгляды, которые направлены против разных уязвимых групп. [...] Другой вопрос, что не всегда, когда ты сотрудничаешь с какой-то демократической организацией или антивоенной, ты не всегда на 100 % знаешь, какие у этой организации

взгляды на тему ЛГБТ, например, или на тему людей с инвалидностью, или на тему мигрантов. То есть это не всегда возможно понять, но, по крайней мере, мы всегда можем понять, что такое правая организация, праволиберальная или правоконсервативная» (19).

Тем не менее готовность к ситуативному сотрудничеству и солидаризации демонстрируют практически все участники исследования. Они полагают, что создание коалиций в нынешней ситуации должно осуществляться с учетом прошлых ошибок, проходить добровольно и ситуативно:

«Вот мы решили как раз не делать ошибок прошлого и не пытаться всех засунуть в какую-то одну организацию, там были попытки борьбы. Потому что мы поняли, что добровольно такое демократичное сотрудничество разных организаций между собой, оно продуктивнее, потому что не требует от всех условно идти в общей линии» (1).

Будущее России и российско-украинских отношений. Стратегии и тактики примирительной работы

Представления о будущем РФ важны для понимания активности и стратегий развития антивоенных инициатив и солидарностей. Практически все участники исследования говорят о двух возможных сценариях, которые так или иначе расцениваются как «тяжелые/непростые времена» для российского общества. Первый сценарий связывается с поражением РФ в войне, ее дальнейшей (само-)изоляцией, усилением тоталитаризма/авторитаризма и жесткими ре-

прессиями в отношении гражданского общества. Второй сценарий связан с надеждами на прекращение военных действий, вызванных расколом элит и сменой власти, при этом информанты размышляют и о политическом кризисе в стране, и о тяжелом экономическом кризисе, вызванном войной и репарациями. Этот прогноз более благоприятен для развития гражданского общества в РФ, хотя и требует большой работы различных гражданских институций. Тут необходимо заметить, что эти сценарии, как правило, основаны скорее на вере («я верю, что...») и оптимизме, нежели на аналитических прогнозах, что прочитывается в риторике нарративов о будущем, при этом часто используются метафоры «очищения», «выздоровления», «освобождения» и так далее.

Деятельность антивоенных инициатив ориентирована не только на открытое или скрытое противостояние режиму и решение текущих проблем, таких как помощь жертвам войны, но и на строительство будущего. Строительство будущего гражданскими активистами прежде всего связывается с информированием и агитацией, переубеждением «сомневающих». По мнению участников антивоенных инициатив, информация, альтернативная официальной версии происходящего, поможет не только изменить отношение россиян к войне, но и подготовит их к «строительству другой России», поможет пережить времена грядущего кризиса:

«У нас даже иногда приходили люди, кто сомневался, за какую они позицию. Может быть, это родственники, кто против, а они сомневались, они приходят к нам [...] Мы надеемся на то, что мы поможем этих людей сохранить. Возможно, кого-то не сохранить, а кому-то не навязать наше мнение, просто постараться показать, что можно мыслить по-другому, что вообще-то можно отделяться от государства, и это просто поспособствует тому, что в дальнейшем, какая бы ситуация ни была, какая бы она ни была, она в любом случае в нашей стране будет плохая, это им поможет [...] Есть отдельное направление, которое мы хотим сейчас развивать с людьми, кто остается в России, это как раз про это» (15).

Быстро и кардинально меняющаяся ситуация и в то же время неопределенное будущее ставят перед активистами сложные задачи. Они вынуждены реактивно менять тактики и стратегии своей работы в соответствии с новыми вызовами:

«[Стратегия работы] **зависит очень сильно от внешней ситуации. О чем мы постоянно говорим для других инициатив и активистов, стратегическое мышление должно быть: нужно понимать, что ты будешь делать в будущем, зачем нужно то, что ты делаешь сейчас. Другое дело, что для продумывания стратегии на каждый возможный сценарий — а изменение обстановки часто непредсказуемо или неожиданными вещами определяется — на каждый возможный сценарий должен быть продуман какой-то ответ, влияние этого на твою стратегию. Но для этого нужна постоянная работа, своего рода стратотдел, нужно много ресурсов» (9).**

Репрессивность российского законодательства вкупе с неопределенностью и изменчивостью общей ситуации в целом — основные условия, в рамках которых разворачивается деятельность антивоенных инициатив. Такие условия становятся вызовом для любой гражданской активности и заставляют регулярно менять стратегию работы, искать новые форматы, расширять или перепрофилировать сферу деятельности и пр., что по сути является спецификой работы антивоенных инициатив.

Примирительная работа с украинцами рассматривается участниками исследования как одна из важнейших стратегических целей деятельности, однако такая работа в ситуации войны имеет свою специфику. Так или иначе, связи с украинцами сохраняются. Многие информанты рассказывали про близкие персональные контакты, которые в ситуации войны не прервались. Деятельность нескольких инициатив ориентирована на индивидуальную помощь украинцам — беженцам и депортированным из зоны военных действий (22, б, 17). Такую гражданскую активность, вероятно, нельзя интерпретировать как сотрудничество гражданских инициатив обеих сторон, однако гуманитарная работа на индивидуальном уровне способствует взаимному пониманию и налаживанию горизонтальных связей, что может являться предпосылкой для примирительной работы.

Согласно рассказам информантов, большинство кейсов сотрудничества украинских и российских гражданских инициатив, которые существовали до начала войны, сейчас приостановлены, что произо-

«Прекратили постоянный систематический созвон со своими украинскими коллегами [...] Потому что я знаю, что украинские коллеги правозащитники сейчас так заняты. То есть у них нет свободной секунды, они работают очень напряженно. И я понимаю, что даже обсуждение какой-то инициативы или идеи тоже потребует у них временного и физического ресурса, просто у них приоритеты немного другие сейчас выставлены. Поэтому я с уважением к этому отношусь, но не теряю надежды, что мы можем что-то обсуждать» (21).

Кроме того, продолжение сотрудничества зачастую становится невозможным в связи с морально мотивированным отказом украинских коллег продолжать совместную работу.

«Мне тоже было тяжело психологически принимать участие, но все-таки я старалась тоже, по меньшей мере, что-то или в малых кругах, или вообще тет-а-тет разговаривать с людьми, с активистами из Украины. Я понимаю, что не все они принимают это общение. Не у всех есть желание психологически общаться и конструктивно общаться без каких-то обвинений. Я понимаю также, что все равно есть точки соприкосновения с правозащитными либо группами, либо с активистами-правозащитниками, с которыми мы можем и готовы были бы хотя бы в каком-то амплуа работать и меняться, обмениваться информацией. Я считаю, что это очень ценно. Другое дело, что действительно нужно для этого быть готовыми к общению и психологически, и физически, морально. Иметь желание и видеть, может быть, какой-то смысл» (21).

Большинство организаций и неформальных объединений, которые приняли участие в исследовании, в настоящее время не сотрудничают с украинскими коллегами. Некоторые опрошенные активисты рассказывали о своих попытках наладить совместную работу, но эти попытки потерпели неудачу (например, 15). При этом все информанты воспринимают отказ от сотрудничества с пониманием.

Тем не менее отдельным инициативам удалось сохранить/наладить связи и сотрудничество, в частности, одна российская ЛГБТ-организация смогла выстроить коммуникацию с украинской ЛГБТ-организацией во время конференции на основе разделяемого опыта дискриминации меньшинств:

«Сейчас из-за войны их делегация была очень скромной. Они действительно приехали из Украины, но это были либо трансмужчины, либо женщины. То есть люди, которые не попадают под призыв. Очень мило, хорошо пообщались. То есть противоречий серьезнейших не было. Люди с пониманием относились к нашей деятельности. Вообще, в принципе, отдельно выделять Украину или Россию на этой конференции не представляется возможным, потому что рядом есть Турция, где проблемы те же самые, где гомофобия, полиция та же самая, где преследование государства тоже имеется, просто, может быть, не такая эскалация как в России. Или та же Польша, например. Поэтому, наоборот, наши коллеги почувствовали себя среди разных ЛГБТ-организаций, они почувствовали себя в такой среде, где какая-то проблема: это хороший русский, плохой русский и так далее... она отсутствует, она просто там не прозвучала» (11).

По мнению участников исследования, сотрудничество с украинскими коллегами совершенно необходимо, однако оно возможно лишь в определенных условиях. Во-первых, сотрудничество будет возможно лишь после того, когда закончится война или по крайней мере острая стадия вооруженного конфликта и когда РФ признает репарации в отношении Украины: *«Конечно, мы бы хотели, чтобы возник нормальный диалог и налаживание отношений, но для этого в первую очередь нужно остановить войну и скинуть режим»* (9). Во-вторых, по мнению информантов, именно украинская сторона может впоследствии выступить инициатором налаживания связей и контактов. Это вызвано не принципиальным отказом, но моральными представлениями о праве пострадавшей стороны делать первые шаги к примирению и выстраивать диалог тогда, когда она сочтет нужным. Некоторые информанты считают, что выстраивание новых отношений сотрудничества с Украиной возможно будет лишь в присутствии «третьей стороны» или даже в составе большой группы.

Участники исследования подчеркивают, что новое сотрудничество с украинскими активистами будет возможно «только в формах равнозначного [...] взаимовыгодного партнерства, без каких-либо покровительственных отношений в любую сторону» (5). Для выстраивания диалога равных важно преодолеть имперскую и колониальную риторику, которая нерелексивно встроена в русский язык. В данном случае антиколониальные национальные антивоенные инициативы видят своего рода преференции в выстраивании диалога с Украиной в силу разделенного опыта существования в качестве «имперской окраины» и под оккупацией: *«Уже сейчас [республиканский] национальный политический центр сделал обращение к президенту Зеленскому о том, чтобы республику [название] признали оккупированной территорией. То есть мы сейчас уже устанавливаем с ними контакты. Мы знаем, что они видели это заявление, положительно, скажем так, отреагировали»* (13). Кроме того, согласно исследованию, кооперация и примирительная работа в настоящее время возможна и будет более успешной в деятельности низовых гражданских инициатив обеих сторон, объединенных и другим разделенным опытом, например опытом ксенофобии:

«То есть все равно существует ситуация, когда ЛГБТ-организации Украины и России могут быть не включены в диалог с властью, не могут быть субъектами в полной мере гражданского общества. Следовательно, пока их будут игнорировать [...] С ЛГБТ-людьми проще, потому что у нас общий бэкграунд, общая история. Поэтому, мне кажется, что так со всеми низовыми структурами будет примерно, что нам будет гораздо проще найти диалог, чем вот этим политикам, этому правительству в изгнании и тому подобным самозванным лидерам» (11).

Существуют попытки начать диалог о примирении через объединение людей, столкнувшихся с опытом эмоциональной утраты. Их инициаторы предполагают, что это может помочь наладить контакт и способствовать примирению:

«У нас сообщество матерей, которые самоорганизовались, которые начинали поиск сыновей [...] Они сейчас хотят объединиться с украинскими матерями, хотят разговаривать на площадках с матерями украин-

ских военнослужащих. Мне кажется, что это тоже большое достижение. И мне кажется, что это не легенда и не какое-то необозримое будущее. Мне кажется, что этого возможно будет добиться, достичь и сесть за один стол с матерями с разных сторон» (21).

Для подготовки примирительной работы участники исследования полагают важным поддержание персональных сетей и связей с гражданами Украины. По мнению информантов, сейчас совершенно необходима информационная и просветительская деятельность, направленная на широкую российскую аудиторию. В частности, они подчеркивали необходимость транслировать широкой российской аудитории информацию о том, что на самом деле происходит в Украине, давать «живые голоса» и свидетельства людей:

«В принципе, жанр свидетельства живого, вообще говоря, человеческого, он важен для много чего. Например, для агитации, когда люди не хотят верить в военные преступления российских военнослужащих, вот можно сделать подборку каких-то живых голосов, Вконтакте-постов людей, не знаю, из Бучи. И показать это людям. Просто, не знаю, телефонный звонок, разговор с кем-то, кто находился в оккупации, вызывает какое-то доверие. Но вот вы так спрашиваете — это диалог России и Украины» (2).

В качестве одного из направлений антивоенной деятельности и как подготовку примирительной работы с украинским обществом участники исследования рассматривают создание архивов, баз данных, фиксирующих военные преступления и нарушения прав человека, которые в дальнейшем могли быть использованы для суда над военными преступниками. (21, 8). По мнению респондентов, последующей примирительной работе может поспособствовать совместная деятельность в разных сферах, в том числе в рамках образовательных (16), художественных и театральных проектов (24, 25).

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Как работать с антивоенными инициативами? Основные выводы и рекомендации

По результатам исследования мы предлагаем несколько тезисов, которые, на наш взгляд, могут способствовать более продуктивной работе российских антивоенных инициатив. Поскольку антивоенная деятельность — и любая ее поддержка — внутри России небезопасна, мы ориентируем эти рекомендации на международные организации и фонды

1.

Антивоенные инициативы — это не только те коллективы и активисты, кто направляет свою деятельность на остановку боевых действий или непосредственно агитирует за прекращение войны. В сегодняшней правовой и политической ситуации в России таких антивоенных инициатив немного, поскольку подобная деятельность небезопасна для участников инициатив. К антивоенным инициативам стоит относить и те, что занимаются гуманитарной работой, направленной на минимизацию негативных последствий военных действий для разных групп людей на территории России: это и перемещенные граждане Украины, и граждане РФ, попавшие под политические преследования, и представители ЛГБТ-сообщества, ставшие «внутренним врагом» на фоне военных

действий, и многие другие группы. Гуманитарный аспект работы сочетается у многих инициатив с агитационными задачами, в рамках которых они расширяют число сторонников прекращения военных действий.

2.

Одна из дилемм антивоенных инициатив — как реализовывать задачи, требующие присутствия

в России, не ставя под угрозу безопасность участников. Лишь в некоторых случаях возникают распределенные коллективы, часть участников которых находится в России, а часть — за границей. Большинство участников антивоенных инициатив находятся за границей. При этом запрос на участие тех, кто находится в России, достаточно высокий. Мы полагаем, что, если этот запрос останется не удовлетворен и антивоенные инициативы будут в основном базироваться за границей, в отрыве от места и аудитории, на которую они направлены, разрыв между теми, «кто уехал», и теми, «кто остался», может увеличиваться, что потенциально может иметь негативные последствия в будущем. Находясь за границей, россияне могут терять ощущение контекста, в котором живут те, для кого они ведут антивоенную работу. Поддержание таких связей требует внимания и целенаправленной работы, которая может быть фасилитирована и поддержана различными организациями и фондами.

3.

Поскольку инициативы разнятся не только по тематическим направлениям работы,

но и по своей организационной форме, масштабу, подходам к работе, бэкграунду и местонахождению участников, очень затруднительно создать единую систему оценки их эффективности. В большинстве случаев невозможно оценить и сравнить ни эффективность их агитационной работы, ни объем оказанной помощи, ни даже количество вовлеченных в инициативу людей и затраченное ими на работу время. В связи с этим инструменты оценки работы каждой инициативы должны разрабатываться индивидуально, учитывая особенности ее работы и возможные риски.

4.

Инициативы работают с различными целевыми аудиториями и ищут к ним особые подходы.

Это означает, что в ряде случаев «фасад» инициативы, открытый подписчикам и сторонникам, может быть далек от ценностей, разделяемых международными организациями и фондами. Инициативы могут использовать риторику, близкую и понятную целевой аудитории, таким образом, находя сторонников среди тех групп, которые еще не вовлечены в антивоенное движение и которых отталкивают «оппозиционные», «политизированные», «феминистские» или иные риторики. Это не означает, что сам коллектив, ведущий инициативу, не разделяет ценности демократии, справедливости, равноправия, свободы и др. Предлагаем международным организациям обратить на это внимание при принятии решений о поддержке тех или иных инициатив.

5.

Подходы к работе, практикуемые инициативами, не универсальны. Одни склонны к проектной логике, говорят на языке «целей», «эффектов» и «ресурсов»,

другие же в силу специфики задач или бэкграунда участников не владеют этим языком и выстраивают работу на иных принципах, действуя ситуативно, гибко, что чрезвычайно важно в ситуации непредсказуемых изменений в политическом поле. Мы предлагаем относиться к таким инициативам не менее серьезно и искать механизмы взаимодействия, которые позволили бы получать поддержку даже тем, кто не пользуется проектным языком и не имеет опыта взаимодействия с международными организациями и фандрайзинга. Возможным решением может быть не только обучение языку описания проектов и построения своей работы в проектной логике, но и напротив — пересмотр принципов, по которым международные организации отбирают тех, кому оказывают поддержку, и оценивают их эффективность.

6.

Почти все антивоенные инициативы вынуждены строить свою работу в логике медийного поля:

представлять себя, конкурировать с другими за внимание подписчиков, поскольку именно так большинство получает ресурсы

для работы. Медийная работа и (не всегда выраженная, но фоновое присутствующая) конкуренция отнимают значительный объем затрат волонтеров и участников инициатив. В выигрыше оказываются инициативы, выстроенные специалистами в области медиа, социальными предпринимателями и журналистами, которые имеют большой опыт и знают, как это поле работает. Поскольку изменить эту медиалогику почти невозможно, мы предлагаем подумать, во-первых, о возможных мерах поддержки, которые позволили бы инициативам быть более видимыми в медиасреде при меньших затратах времени и труда участников. Например, поддерживать образовательные проекты для активистов по медиапродвижению и самопрезентации. Во-вторых, для инициатив, которые используют медиа не для агитации и реализации своей миссии, а для поиска ресурсов и финансирования, поддержка со стороны могла бы сэкономить ресурсы, которые инициатива тратит на медиаработу.

7.

Несмотря на то, что инициативы вступают в краткосрочное и ситуативное сотрудниче-

ство с другими и в целом демонстрируют положительный настрой на кооперацию, мы склонны видеть в их работе скорее стремление к сохранению автономии и формированию собственных уникальных активистских ниш. Они преследуют общую цель — остановить войну — однако пока не предстают единым антивоенным движением, части которого проявляют солидарность друг с другом. Мы не видим необходимости объединения и единой координации всех антивоенных инициатив, они могут сосуществовать в едином поле, кооперируясь и помогая друг другу по отдельным вопросам. Важна вспомогательная инфраструктура для коммуникации и координации действий активистов, не претендующая на роль всеобщей представительной организации.

8.

Мы наблюдаем ожидаемый запрос инициатив на «людей» и «деньги» — практически все

антивоенные инициативы нуждаются в компетенциях, человекочасах и финансовых ресурсах для того, чтобы поддерживать устойчивые работоспособные коллективы и увеличивать объемы и качество агитационной и гуманитарной работы. Однако примечательно,

что запрос этот непостоянный и зависит от внешних политических обстоятельств. Так, в режиме «аврала», когда случается, например, мобилизация или принятие новых законов, у инициатив больше внимания со стороны подписчиков (а значит, донатов и ресурсов для работы), а вовлеченность активистов и волонтеров велика. В более «спокойном» режиме возникает усталость от войны и волонтерской работы, которая ведет к потере важнейшего ресурса — энтузиазма — и выгоранию участников. Это означает, что донорам нужно иметь в виду политический контекст и быть готовыми в экстренной ситуации быстро среагировать и предложить помощь.

9.

Инициативы почти не взаимодействуют с украинскими активистами и инициативами,

но видят свою роль в будущем диалоге России и Украины. Будущее, в котором они видят себя, начинается, во-первых, с прекращения боевых действий, а во-вторых, с артикулированного запроса украинских коллег на формирование диалога. Таким образом, первый шаг в построении новых мирных отношений, с точки зрения российских антивоенных инициатив, имеют право делать только представители украинского гражданского общества, но никак не российского. Исключения составляют инициативы, которые возникли в национальных республиках и ставят задачей помимо антивоенной борьбы усиление субъектности национальных групп внутри РФ (вплоть до отделения республик). Для них своя национальная идентичность и колониальная история России являются основой для солидаризации и взаимодействия с Украиной уже сейчас. Налаживанию диалога также может способствовать поиск языка и форм диалога, учитывающих потребности обеих сторон. Работа по их выработке должна начаться уже сейчас. Западные НКО и партнеры могли бы выступить посредниками для будущего диалога между россиянами и украинцами.

УЧАСТНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Команда

Отчет подготовили социологи, кандидаты социологических наук, работающие над исследованиями активизма, низовых солидарностей и инициатив, прав мигрантов.

Информанты

В тексте приведены цитаты из интервью с представителями следующих антивоенных инициатив:

- 1 — Политическая молодежная организация, возникшая до 24 февраля 2022 года.
- 2 — Медиа с левой политической позицией, появилось после 24 февраля 2022 года.
- 3 — Проект помощи мобилизованным в избежании военной службы, основанный летом 2022 года.

- 4 — Инициатива, возникшая в одной из национальных республик РФ после 24 февраля 2022 года.
- 5 — Партизанский проект саботажа военной инфраструктуры, созданный анархистами до 24 февраля 2022 года.
- 6 — Сеть помощи гражданам Украины, вынужденно оказавшимся на территории России и уезжающим из России в Европу.
- 7 — Правозащитный проект, направленный против политических преследований. Возник до 24 февраля 2022 года.
- 8 — Проект разносторонней помощи россиянам, созданный на базе медиа после 24 февраля 2022 года.
- 9 — Инициатива, агитирующая за саботаж на предприятиях и защищающая трудовые права россиян. Создана после 24 февраля 2022 года.
- 10 — Феминистская инициатива, агитирующая женщин присоединяться к антивоенному движению. Создана до 24 февраля 2022 года.
- 11 — Правозащитная организация, работающая с ЛГБТ+-сообществом. Создана после 24 февраля 2022 года.
- 12 — Локальное медиа, созданное в национальной республике РФ за несколько дней до начала полномасштабного вторжения России в Украину.
- 13 — Инициатива, связанная с национальным самоопределением, возникшая в одной из национальных республик РФ до 24 февраля 2022 года.
- 14 — Инициатива, возникшая в одной из национальных республик РФ после 24 февраля 2022 года.
- 15 — Проект психологической помощи россиянам, созданный после 24 февраля 2022 года.
- 16 — Инициатива, объединяющая профессиональную группу для защиты трудовых прав и ведения агитации на рабочих местах, созданная после 24 февраля 2022 года.
- 17 — Проект помощи гражданам Украины, вынужденно оказавшимся на территории России, прекратил работу осенью 2022 года.
- 18 — Проект помощи ЛГБТ+-людям, основанный совместно украинцами и россиянами до начала военных действий в феврале 2022 года.

- 19 – Инициатива, продвигающая феминистскую и антиколониальную повестку. Создана после 24 февраля 2022 года.
- 20 – Медиа, созданное до 24 февраля 2022 года.
- 21 – Организация, занимающаяся правовой защитой военнообязанных, создана до 24 февраля 2022 года.
- 22 – Инициатива, помогающая преследуемым россиянам выехать за границу. Создана после начала полномасштабного вторжения России в Украину.
- 23 – Правозащитная инициатива, поддерживающая преследуемых за антивоенные действия. Создана после 24 февраля 2022 года.
- 24 – Художественный проект, поддерживающий индивидуальные антивоенные высказывания в перформативном жанре. Создан после 24 февраля 2022 года.
- 25 – Инициатива, соединяющая антивоенные высказывания художников в России. Создана после 24 февраля 2022 года.

Интервью с несколькими инициативами не были процитированы, но также вошли в анализ:

- 26 – Художественная группа, создающая перформативные проекты. Создана до 24 февраля 2022 года.
- 27 – Инициатива, оказывающая комплексную поддержку отдельной профессиональной группе россиян, возникла после 24 февраля 2022 года.
- 28 – Инициатива, занимающаяся правовой защитой и психологической поддержкой военнообязанных, создана до 24 февраля 2022 года.

